

священник Максим Козлов, доцент

“Его искреннее самопожертвование было совершено ради сохранения принципа самодержавия...”

Начать хотелось бы с вопроса о самой природе монархической государственности и о смысле чина коронации. Существует несколько редакций чинов венчания на царство. Одна из них была издана при коронации Государя Императора Павла Петровича, другая вошла в книгу об избрании на царство Великого Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича. Также чин венчания входит в книгу молебных пений Православной Кафолической Церкви, изданной в Берлине в XIX веке. И, невзирая на иногда существенные текстуальные различия, все три варианта, во-первых, едины по смыслу, во-вторых, восходят к единым же византийским образцам. Смысл этого священнодействия состоит в том, что Царь благословляется Богом не только как глава государственной или гражданской администрации, но прежде всего — как носитель теократического служения, служения церковного, как наместник Бога на земле.

Это выражено, прежде всего, в центральной молитве чина, в молитве “Господи Боже наш Царю Царствующих и Господи Господствующим”, где сказано, что “Царь поставлен над языком Твоим”, то есть не над нацией, не над государством, но над народом Божиим, над Церковью. Это может вызывать непонимание и враждебность с двух сторон: с одной стороны, клерикализм в католическом духе настаивает на размежевании государства с Церковью, и мы не должны в данном случае удивляться, что в наше время католицизм признал принцип отделения Церкви от государства (что неприемлемо для православного Самодержавия). Это была точка зрения средневекового возрожденческого католицизма, настаивавшего на первом месте духовенства не только в Церкви, но и в государстве. Был и в русской мысли, скажем так, герой этого направления — патриарх Никон. С другой стороны, еще в прошлом веке некоторые иноверцы недоумевали, а уж тем более будут недоумевать ревнители религиозной сво-

боды в веке нынешнем, почему национальный русский гимн есть молитва за православного Царя. Таковые не понимали или, напротив, очень хорошо понимали, что православный Царь есть лучшая гарантия свободы всех религиозных конфессий. Действительно, в государстве формально более или менее унитарном и неправославные конфессии имели чрезвычайно широкие права внутренней автономии — религиозно культурной, иногда — даже судебно-законодательной. Мусульмане жили по своим законам, судились у своих судей, сохраняли систему церковных имений. Иудейские общины очень долго управлялись кагалами. Не забудем то, что к началу двадцатого века в каждом губернском городе был костел, а в таком, скажем, русском городе, как Саратов, была католическая духовная Семинария. И не можем же мы забыть, что стало со всеми неправославными исповеданиями в России после падения православного царства. Так что неудивительно, что Царь, верховный покровитель православной Церкви, был хранителем и духовных традиций других религиозных общин.

Встает вопрос: органично ли выражено в чине венчания на царство теократическое понимание царской власти для церковного сознания или оно навязано Церкви чуждой, государственной силой?

Думается, двух ответов быть не может. Взглянем на чин епископской хиротонии, о котором никто же не скажет, что он составлен под влиянием государства. В тайносовершительной молитве этого чина читаем: “Сего укрепи, якоже укрепил еси Святых Твоих апостолов, и пророков, якоже помазал еси Царей, якоже освятил еси архиереев”.

Цари, таким образом, в одном ряду с пророками и архиереями, а присутствие в начале этого ряда апостолов говорит о том, что составители чина имели в виду не один ветхозаветный, но, в первую очередь, новозаветный период.

Если мы обратимся теперь хотя бы к некоторым, основным вехам церковной истории, то станет по-



нятно, что только в нынешнем XX столетии мог возникнуть вопрос о том, смотрела ли Церковь именно на монархическую государственность как на преимущественно богоустановленную.

Апостол Павел призвал молиться с благодарением за Царей уже в ту эпоху, когда Цари были гонителями Церкви Христовой. Святой равноапостольный Император Константин Великий именовал себя епископом внешних дел Церкви. Ни один из семи Вселенских Соборов не был созван помимо воли и без непосредственного руководящего участия византийских Императоров. В период времени от правления Императора Юстиниана до патриаршества святителя Фотия Константинопольского в церковном праве сформировалось и была подробнейшим образом зафиксирована теория симфонии, соработничества священства и царства в деле окормления не только отдельных личностей, но и целых стад церковных, в деле приготовления самой души народа в его воинстве, его власти, к восприятию Царства Божия. Если мы вспомним нашу отече-

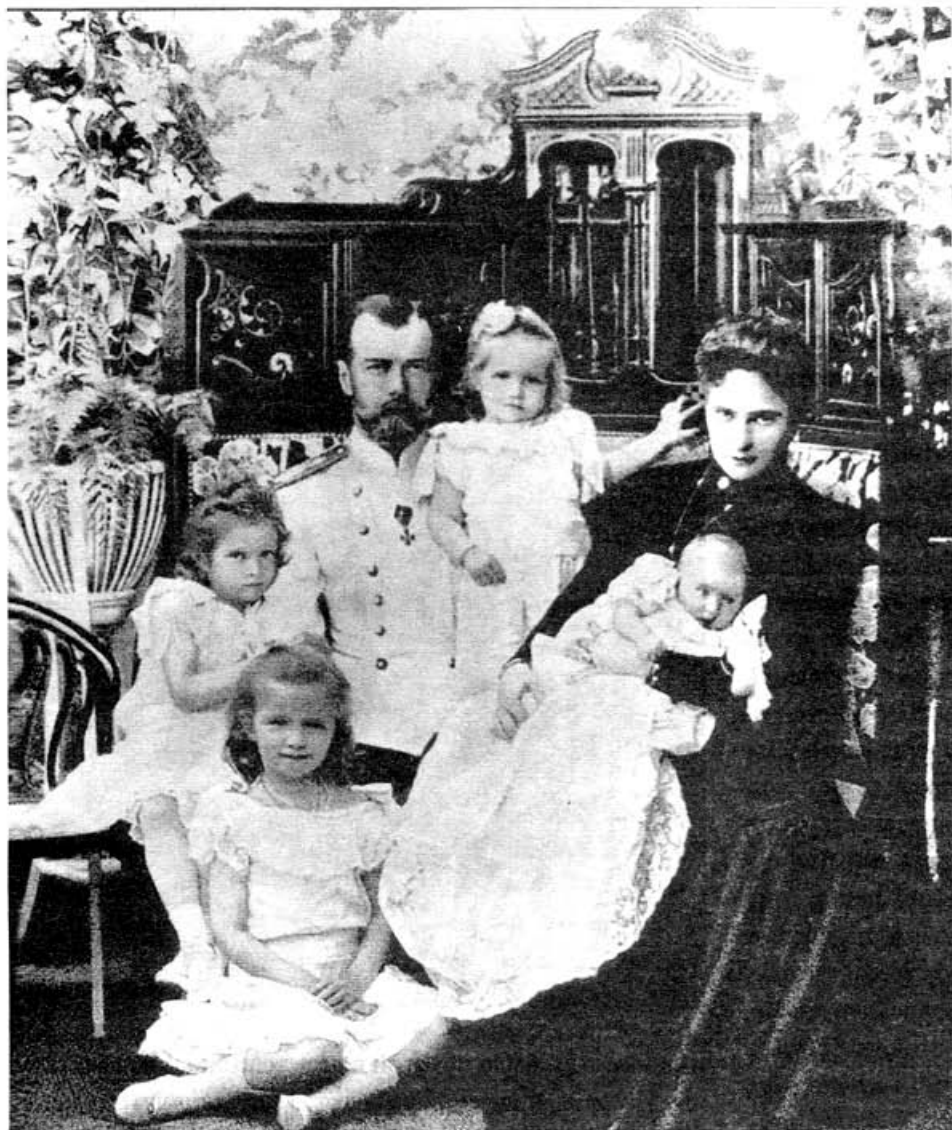
ственную историю, то нельзя не указать, что венчание на царство Ивана Васильевича IV Грозного, которое воспринималось и им самим, и всем нашим народом не только как государственный акт, но прежде всего — как взятие им на себя преимущественного попечения о вселенском Православии, в качестве наследника православных византийских василевсов. Наконец, если мы обратимся в XIX веке к наследию того иерарха, которого современники называли Всероссийским патриархом, к наследию святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского, то мы увидим в его словах на царские дни разработанную теорию священного царства, каковое в его сознании безусловно отождествлялось с российской имперской государственностью. Приведем только краткий отрывок из его слова в день рождения Благодетельнейшего Государа Николая Павловича, произнесенного в 1851 году: *Бога бойтесь, Царя чтите* (1 Пет. 2, 15 – 16). Да будет неразрывен союз сих двух заповедей, прекрасный и благотворный. Народ, благоугождающий Богу, достоин иметь благословенного Богом Царя, народ, чтущий Царя благоугождает через сие Богу, потому что Царь есть устроение Божие. Как небо бесспорно лучше земли и небесное лучше земного, так же бесспорно лучшее на земле должно быть то, что устроено по образу небесного, чему и учил Бог Боговидца Моисея: *Видь, да сотвориши по образу, показанному тебе на горе* (Исх. 25, 40), то есть на высоте Боговидения. Согласно с сим Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле Царя, по образу Своего вседержительства — Царя самодержавного, по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века — Царя наследственного. О, если бы все Цари земные довольно внимали бы своему небесному достоинству, и к положенному их чертам образу небесному верно присоединяли требуемые от них богоподобные правду и благость, небесную недремленность, чистоту мыслей и святость намерений и деятельности. О, если бы все народы довольно разумели небесное достоинство Царя и устроение царства земного по образу небесному и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа — благоговением и любовью к Царю, смиренным послушанием к его законным повелениям, взаимным согласием и единодушием, и удаляли бы от себя все, чему нет образа в небесах, — превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зломысленное намерение и действие. Все по образу небесному благоустроенное, по образу небесному было бы блаженно. Все царства земные были бы достойным преддверием царства небесного". Царь, по учению святителя Филарета, есть носитель власти Божией, той власти, которая, существуя на земле, является отраже-

нием Небесной Вседержавной Власти Божией. Царство земное есть образ и преддверие Царства Небесного, а потому естественно из этого учения вытекает, что только то земное общество благословенно и содержит в себе семя благодати Божией, одухотворяющей и освящающей это общество, которое своим главой имеет верховного носителя власти и помазанника — Царя. В самом понятии об обществе заключается мысль о некоем центре, вокруг которого объединяются множества. Помимо той глубокой мудрости, какой веет от этих слов Первосвятителя Московского, какая в них видна глубина чувства, искренность сердца, проникающего в самый дух закона власти; как в них видно уважение и преклонение перед этой властью не ради ее силы (никто же из нас не подумает о раболепстве святителя Филарета) и не ради необходимости при существующем строе ей повиноваться, но во имя высших принципов, ради того, что она поставлена от Бога, что сила Божия в ней живет и действует и что благословение может почивать лишь на том, кто движением свободной воли ставит себя в отношения свободного повиновения этой власти. Здесь же следует указать, что из вышесказанного никак не следует, что Царь не имеет права отречься от власти утвержденной священным коронованием. Скажем, византийская история изобилует такими событиями. Отречение нередко связывалось с монашеским постригом, что служило ручательством его необратимости, но иногда отречшийся сохранял царское достоинство. Здесь уместно вспомнить Андроника II Палеолога. Вполне допустимо провести аналогию между таинством хиротонии, брака и венчанием на царство. Когда архиерей уходит на покой, он не утрачивает своего сана, — к примеру, в Константинополе патриархи нередко отрекались от власти, а через некоторое время возвращались на оставленный престол. В таинстве брака, в случае измены одного из супругов, другой считается свободным от прежних обетов, но не от благодати, которая была им получена во время браковенчания. Также и во время отречения Государя Николая Александровича произошла та самая измена огромного большинства русского народа тому, кто являлся его представителем пред Богом. Отречение Николая II произошло в такой момент, когда весьма разнообразные и широкие слои населения выказывали недовольство правлением Императора. Десятки миллионов людей устали от войны и хотели перемен. И злонамеренные силы, вынудившие отречение, утверждали, что Государь преграждает путь к победе. Николай Александрович, пожалуй, осознавал, что они неправы, но не мог не учитывать того, что негативное отношение к нему вносило смуту и в русское общество, и в армию



и, тем самым, было помехой в деле успешного ведения войны. История, конечно, очень скоро показала, что главным препятствием для победы был разлившийся по России антимонархизм, неважно — февральского или октябрьского толка. И здесь мы можем, конечно, сказать, что Государь переоценил состояние духовного здоровья русского общества. Но, с другой стороны, не вызывает сомнения, что его искреннее самопожертвование было совершено не только по побуждениям отвлеченно-патриотическим, но и ради сохранения принципа самодержавия.

Обращаясь теперь к вопросу о канонизации, которая есть акт признания Церковью того, что жизнь того или иного подвижника на том поприще, на которое поставил его Господь, может и должна являться примером для христиан, нельзя не увидеть того, что жизнь Государя Императора и других Царственных мучеников является для нас примером прежде всего того, как можно всецело предавать себя в руки Божии, как можно и должно руководствоваться памятованием о том, что судьбы людей, народов, наши собственные находятся, прежде всего, на промыслительных



путях домостроительства нашего спасения. Государь делал что мог для утверждения законности, порядка и доброго строя Российского государства — делал вопреки всемирному восстанию против последней монархической православной державы. Хотя и осознавал, что час крушения российской государственности недалек, знал он об этом и из пророчеств, донесенных до него, как саровскими подвижниками, так и другими угодниками Божиими, жившими в его время. Как ни один из предшествующих ему российских самодержцев, начиная с Петра I, Государь заботился о чистоте православной веры, о благоустройении Российской Церкви. При нем были прославлены великие подвижники благочестия, без которых нам сейчас немислим сонм русских святых, но прославление которых — даже преподобного Серафима Саровского — часто осуществлялось вопреки прямому противодействию иных членов Святейшего Синода, зараженных рационализмом XIX

столетия, тем самым околотестанским рационализмом, внесенным петровскими реформами в жизнь Российского государства и Церкви. Государь и его семья являли собой дивный пример чистоты отношений и устройства семьи как малой Церкви Христовой. Это пример, так необходимый в наше время, когда самый институт семьи является тем оплотом, на который устремлено самое большое нападение сил лукавого. Наконец, поведение и жизнь Государя и Семьи после ареста, письма этого периода, дневниковые записи Александры Федоровны являются примером того, как христианин может и должен переносить скорби и испытания. Ни слова ропота, ни одного призыва к мести или восстанию...

Нельзя ставить в вину Государю, что он якобы препятствовал созыву Поместного Собора Русской Церкви. Идея созыва Собора, живо обсуждавшаяся в начале XX столетия, не у всех членов Церкви вызывала однозначное отношение. Вспомним, что это была эпоха, когда в силу исторических обстоятельств в России были созданы вначале первая, а затем и последующие Думы. Во что превратились эти собрания, по идее долженствовавшие быть собранием лучших представителей российского общества? — В бес-

смысленную, часто антигосударственную говорильню. Какие у нас есть основания предполагать, что случись Собору быть не в экстремальные месяцы 1917-18 годов, когда многое просто отлетало с людей, как шелуха, когда многие исторические условности на глазах участников Собора уходили в прошлое, — какие у нас есть основания предполагать, что этот форум Русской Церкви не оказался бы проведенным под преобладающим влиянием леволиберальных сил?

Нельзя согласиться и с мнением людей, упрекающих Государя и Государыню за духовную неразборчивость в принятии советов людей, именовавших себя старцами, пророками или целителями. Преимущественно эти обвинения соединяются с именем Григория Ефимовича Распутина, человека, безусловно, неоднозначного, в душе, в жизни которого сочеталась борьба света и тьмы, но которого нельзя однозначно воспринимать как человека отрицательного.

Тем более — так хулительно-опошляюще, как это делалось современной ему и современной нам либерально-демократической прессой. Не вступая в дискуссию о реальной роли Распутина и о его отношении к Царской семье и делам государства, хотелось бы ограничиться приведением выдержки из письма, написанного Распутиным Царю за десять дней до собственной гибели, письма, как кажется, много говорящего о неординарности этого человека. Распутин писал 16 декабря 1916 года: "...если меня убьют русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский Царь, некого опасаться, оставайся на своем троне и царствуй, и ты, русский Царь, не беспокойся о своих детях, они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне, и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и 25 лет они не смогут отмывать свои руки, они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течении 25-ти лет не будет в стране дворянства. Русской земли Царь, когда услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай, если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, то есть детей и родных не проживет больше двух лет. Их убьет русский народ. Я ухожу и чувствую себе Божеское указание сказать русскому Царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен позаботиться о своем спасении и сказать своим родным, что я им заплатил своей жизнью. Меня убьют, я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде..."

Что же касается покаяния, к которому нас призывают многие подвижники благочестия, покаяния за убийство Царя, о котором мы читаем и в молитвах, употребляемых после акафиста иконе Божией Матери "Державная", то об этом очень хорошо и полно сказал блаженной памяти архиепископ Иоанн (Максимович), один из великих подвижников благочестия XX столетия. Приведем его слова: "...убийство Императора Николая II и его Семьи является исключительным, как по виновности в нем русского и других народов, так и по его последствиям. Не сразу оно совершалось, подготавливалось постепенно. Гнусная клевета поколебала преданность Царю и даже доверие к нему значительной части русской общественности. В связи с тем наступившему, искусственно вызванному мятежу не было дано должного отпора ни властями, ни обществом. Малодушие, трусость, предательство и измена во всей полноте были проявлены ими. Многие поспешили искать доверия и милости от преступников, пришедших к власти. Народ безмолвствовал сначала, а затем быстро начал пользоваться созданными новыми условиями. Каждый старался о своей выгоде, попирая Боже-

ственные заповеди, человеческие законы. Молчаливо принято было известие о лишении Царя и Семьи свободы. В тайне лишь возносились молитвы и воздыхания теми немногими, кто не поддался общему искушению и понимал преступность тех деяний. Посему Государь оказался всецело в руках своих тюремщиков и новой власти, знавшей, что она может делать все, что хочет. Убийство легло на совесть и душу всего народа. И виновны все в той или иной степени — кто прямым мятежом, кто его подготовкой, кто изменой и предательством, кто оправдыванием совершившегося или использованием его в пользу себе... Кровь его на нас и на чадах наших. Не только на этом поколении, но и на новом, поскольку оно будет воспитано в сочувствии к преступлениям и настроениям, приведшим к цареубийству. Лишь полный духовный разрыв с ними, сознание их преступности и греховности и покаяние за себя и за своих предков освободят Русь от лежащего на ней греха..." И ни к чему здесь софизмы о том, что таинство покаяния есть таинство индивидуальное. Безусловно, в личных грехах мы каемся на исповеди перед Крестом и Евангелием, однако, если мы верим в Церковь как тело Христово, в котором нет разделения на живых и умерших, но в котором все живы пред лицом Божиим, то мы не можем равнодушно и холодно сказать, что страшное событие, совершившееся семь десятилетий назад, до нас никакого касательства не имеет. Что наши прародители, прямо или косвенно участвовавшие, сочувствовавшие или молчавшие при том, никак не виновны, что мы никак и ничем не можем послужить изглаживанию того греха русского народа, который произошел в ночь цареубийства. И в этом смысле хочется, конечно, видеть больше прямоты, честности и мужества в готовящемся акте канонизации, чем то отношение, которое мы видели в докладе Синодальной комиссии. Искусственное разделение жизни Государя и его Семьи на период до отречения и после него, очевидно, было сделано в угоду духу века сего. Конечно же, святые не нуждаются в прославлении от людей, но назвать белое белым, а черное черным, назвать убийство Государя актом восстания антихристианских, чуждых православному русскому народу сил против самого принципа православно-монархической государственности в процессе канонизации Царственных мучеников представляется исключительно важным и необходимым. Поэтому видится промыслительным, что сам акт канонизации перенесен на Поместный Собор, значит, у нашей Церкви и у нашего церковного народа есть еще время сделать его не двусмысленным действием, а настоящим церковным торжеством.